

А. А. Брагина Социологические традиции в русской науке о языке

1

Вторая половина XX века отмечена особым вниманием к социальному аспекту в языке. Обычно этот научный и практический интерес связывается с американской лингвистикой, где действительно в 50-е годы нашего столетия возник термин социалингвистика [1, стр. 3]. Однако в разработке этой проблемы многое было сделано еще задолго до 50-х годов французской школой (А. Мейе, Ж. Вандриес), немецкой (Г. Фрингс и лейпцигская школа). Нельзя не отметить и труды чешских ученых (В. Матезиус, Б. Гавранек, И. Вахек и др.). Но особо следует выделить — и по хронологическим данным и по теоретическим соображениям — неоспоримые достижения русских и советских лингвистов.

Попытаемся очертить круг проблем, занимавших русских, а впоследствии и советских ученых, отметить научные поиски, открытия и решения, сделанные в нашей науке о языке. Выделить то, что позволяет говорить о давних социологических традициях в разработке языковедческих проблем. В кратких заметках мы можем сделать только беглый обзор истории вопроса, по возможности назвать наиболее значительные в этом плане имена и обратиться

внимание на самые важные исходные позиции в социологических размышлениях о языке. Нам представляется такой обзор своевременным, так как работы, принадлежащие русским и советским ученым, оставили уже заметные вехи на социологическом пути в лингвистике, и, что очень важно, дают свое освещение социальных проблем в науке о языке, позволяют оценить связь «язык — общество» как органическую, неразрывную, определенную внутренними языковыми особенностями. В последние же годы для социальных явлений в языке найдено название паралингвистическое, фоновые, т. е. внеязыковые, экстралингвистические факторы. Посмотрим, как формировался социологический взгляд на язык в русской науке.

2

Вспомним здесь мысль М. В. Ломоносова о значении «украшенного слова»: «Коль оное полезно, ясно показывает состояние тех народов, в которых словесные науки процветают». В этом старинном обороте речи выражено вполне современное суждение о высокой общественной функции языка. Словесные науки времен М. В. Ломоносова — грамматика, ораторское искусство (риторика) и стихотворство (поэтика) — явля-

лись, по мнению ученого, показателем уровня культурного развития народов. Еще определеннее и яснее эта мысль звучит в самых начальных строках посвящения к его же «Риторике» (середина 1756 года, не позднее конца 1757 года): «Блаженство рода человеческого коль много от слова зависит, всяк довольно усмотреть может» [2, стр. 91, 92].

Эти мысли М. В. Ломоносов развивает в одном из основных своих филологических трудов — в учебнике, в «Российской грамматике» (первое издание — 1757 год). Уже в первом параграфе своего учебника он разъясняет, как сказали бы мы теперь, — основную коммуникативную функцию языка. Без языка человеческое общество подобно несобранной машине, части которой лежали бы врозь и в бездействии. Если бы «каждый член человеческого рода не мог изъяснить своих понятий другому», то сама жизнь людей была бы бесполезной, едва ли «не хуже жизни диких зверей, рассыпанных по лесам и пустыням». Язык позволяет людям общаться, он необходим человеческому обществу ради «согласного общих дел течения, которое соединением разных мыслей управляется». И далее, в главе «О знаменательных частях человеческого слова» М. В. Ломоносов еще и еще раз напоминает: «Слово

дано для того человеку, чтобы свои понятия сообщать другому» [2, стр. 394, 406; см. также 3, стр. 25—30].

Итак, как видим, уже в первых трудах по русской филологии выявляется самая основная функция языка — функция коммуникации. Язык же представляется продуктом развивающегося общества, показателем степени культуры народа. Тем самым определяется общественная природа человеческого языка.

3

Русской науке о языке и позднее было свойственно внимание к социальной сущности самого языка. В разные эпохи по-разному, но всегда разрабатывалась проблема дифференциации и взаимосвязи литературный язык — диалекты — просторечия — жаргоны и арго. Изменение диалектов, возникновение «полудиалектов», формирование и развитие национального языка (вместе с «паразитирующими» в рамках диалекта или общего национального языка арго и жаргонами) — все эти процессы прослеживаются как бы в трех измерениях: время, пространство, социальная дифференциация [4, стр. 21, 23]. Литературный язык не представляется отделенным каменной стеной от диалектов, просторечья, арго и жаргонов. Их границы подвижны и взаимопроницаемы. Жесткие рамки «трех штилей» М. В. Ломоносова фиксировали языковую дифференциацию, что было весьма существенно в ту эпоху еще невыработанного литературного языка. В Пушкинскую эпоху была осознана и закреплена взаимосвязь разных языковых сфер.

Социальная дифференциация языка отмечалась не как застывшая картина, свойственная определенной эпохе (синхронный срез), но — и это главное — представлялась в динамике, в изменении и развитии (диахронный срез). Диалект, говор крестьян изучался с учетом влияния города и происходящего расслоения крестьян-

ского населения. Часть мужчин, сезонно работавшая в городе, приобретала своеобразное «двуязычье» — свой диалект и городское просторечие. Другая часть населения, связанная со своим селом, деревней — в первую очередь женщины и старики, более стойко хранила свой диалект. Но со временем местный диалект все же претерпевал изменения. Диалектологические обследования (академик А. А. Шахматов, Н. М. Каринский) позволили сделать вывод: изменяются не только отдельные черты диалекта, но меняется и его система. Например, в фонетической системе гласных увеличивается редукция безударных гласных под влиянием общерусского литературного языка сначала через городское просторечие, а впоследствии, с изменением социальных условий, это влияние могло быть уже и непосредственным (Н. М. Каринский, Л. И. Баранникова, Л. М. Орлов). Так, связи деревни города, отхожие промыслы, пролетаризация крестьянства, широкое распространение грамотности и культурно-техническое движение в советскую эпоху отражались в языке¹. Возникал своеобразный полудиалект, занимавший промежуточное положение между языком города и местным диалектом [5, 6, 7].

4

Образование общенационального языка на основе социальных диалектов — это одна из основных проблем языкознания, связанная с историей общества [8, 9].

Обычно внимание исследователей привлекал «высокий книжный язык» или «деревенские диалекты». Б. А. Ларин одним из первых выделяет третью языковую сферу — язык города — и отмечает его роль в общем языковом развитии. «Городской фольклор, неканонизированные виды письменного языка, разговорная речь разных групп городского населения — оказывают непрерывное и огромное воздействие на нор-

мализуемый литературный язык, на высшие его формы» [10, стр. 61—62].

Б. А. Ларин уделял особое внимание и разговорному языку вообще. Он начал и историческое изучение русского разговорного просторечия, выявляя в этом случае уже его историческую роль в формировании общего литературного языка. Б. А. Ларин проводит разыскания по русским разговорникам, грамматикам и словарям XVI и XVII веков, составленным иностранцами для практических целей (записи Лудольфа, Джемса, а также «Парижский словарь»). Б. А. Ларин увидел в них «источники разговорной речи Московской Руси», «драгоценные для нас свидетельства иностранцев о разговорном языке» и дал точное истолкование подобным языковым находкам [11].

Изучением городского просторечия и разговорного языка Б. А. Ларин положил начало языковому обследованию методом «конкретной социологии» на основе широких анкетных наблюдений, изучению устной формы бытования общелитературного языка. Свидетельство тому — современные работы, посвященные русскому языку советской эпохи [13, 14].

5

В создании общей картины формирования нормативного языка сыграли важную роль суждения И. А. Бодуэна-де-Куртенэ о многообразии социальных функций языка. Эти идеи своего учителя (казанская и петербургская школа) развил Л. П. Якубинский, описав социально-исторический процесс формирования и функционирования языка в разные эпохи в свете марксистского понимания общественных явлений. «Пролетариат противопоставляет себя как класс буржуазии не в произносительных, грамматических, словарных нормах, не в языке, выступающем как средство общения, а в языке, выступающем в идеологической функции. На основе нового классового сознания, нового способа освоения действительности, ново-

¹ Н. М. Каринский проводил обследование дважды — в 1903 и 1932 годах.

го диалектно-материалистического мышления... противопоставляет себя в способе использования общенационального языкового материала, в обращении с этим материалом, в способе отбора из него нужных для конкретной цели фактов, в своем отношении к этим фактам и их оценке, в новом по содержанию их осмыслении, в новой их конкретизации в своей речевой практике» [15, стр. 121]. Это было написано в 1932 году. Много позже один из американских ученых, имея в виду именно эту, по терминологии Л. П. Якубинского, идеологическую функцию языка, скажет: «Язык — средство выражения современных знаний, поэтому лингвисты находятся на линии огня (in the line of fire)» [16, стр. 541; 17, стр. 33—40].

6

Осознавая роль теории языка в определении путей активного воздействия на язык, русские и советские ученые проявили особое внимание к формированию норм единого национального языка, ситуативной и функционально-стилевой оправданности норм речи (Л. В. Щерба, Г. О. Винокур, В. В. Виноградов).

В речевом общении главное — быть понятым, поэтому единая литературная норма может оказаться отодвинутой социальным речевым узусом ради сохранения речевой традиции и максимального понимания между говорящими. Отступление от нормы должно быть оправдано коммуникативно-стилевой, социальной целесообразностью [18, стр. 386; 19, стр. 10; 20, стр. 10; 21].

Речевая традиция говорящих определяет в данной ситуации норму — диалектную, просторечную, литературную. Однако при всех отступлениях от нормы и вариативности самой нормы, норма в литературном языке едина. Этим объясняется одна из важнейших функций нормы — ее организующая функция [22, стр. 21]. На единстве нормы жи-

дется единство языка как средства общения целой нации.

7

Язык и мысль, язык и история, язык и культура неотделимы друг от друга. Жизнь общества отражается в его языке. «Народ выражает себя всего полнее и вернее в языке своем. Народ и язык один без другого представлен быть не может... Народ действует, его деятельностью управляет ум; ум и деятельность народа отражаются в его языке» [23, стр. 16, 17; 24]. Так записал свои размышления о специфике языка И. И. Срезневский еще в 1849 году. Это было четкое изложение реальной взаимосвязи «язык — мысль — история — культура — жизнь народа», которая впоследствии будет детерминирована как семантика отражения.

Психолингвистический аспект языка «мысль и язык» лежал в основе глубоких и интересных исследований одного из самых выдающихся русских языковедов А. А. Потебни. Отметим здесь лишь некоторые его позиции. А. А. Потебня дает определение внешней формы слова «как звука уже сформированного мыслью, между тем сам по себе этот звук не есть еще символ содержания» [25, стр. 136]. А. А. Потебня предложил термин ближайшее значение слова. Он писал: «Но дело в том, что под значением слова разумеются две различные вещи, из коих одну, подлежащую ведению языкознания, назовем ближайшим, другую, составляющую предмет других наук — дальнейшим значением слова. Только одно ближайшее значение составляет действительное содержание мысли во время произнесения слов» [26, стр. 8]. Значение слова, живущее в народном сознании, — это значение, сформированное самой жизнью народа. В оттенках значения отражается жизнь во всем ее сложном разнообразии.

В. И. Абаев как бы продолжает изучение коммуникативной функции слова и вводит термин и де-

семантика; в пределах идеосемантики выделяет большую и малую семантику. О малой или сигнальной, технической семантике можно говорить тогда, когда слово воспринимается однозначно, когда нет понимания подтекста, синонимических оттенков, «игры слов» и т. п. [27]. Но дело в том, что лексика и семантика — системы открытые, подвижные, отражающие нашу жизнь [28, стр. 5; 29; 30]. Тем самым значение слова получает особые семантические, эмоциональные, стилевые и стилистические, а в терминологии А. А. Потебни — эстетические, оттенки значения. Значение слова пронизывают различные коннотации (коннотативные оттенки), которые связывают слово с жизнью определенного языкового коллектива, определенным бытом, сложившимся социальным узусом. Так возникает национальное своеобразие языков и связанное с ним своеобразие формы выражения мысли, словесного искусства. «Чем сильнее различия, тем существеннее задача их выяснения и конечного преодоления в читательском и исследовательском сознании. Вот почему одной из важных задач филологической науки является изучение национального элемента в языке и в литературе и особое исследование типических ошибок в восприятии их иностранцами». Так подытожил свои наблюдения над восприятием иностранной литературы и проблемой иноязычия академик М. П. Алексеев [31, стр. 215].

8

О типологии языков было сказано много интересного и нового (хотя часто спорного, а иногда ошибочного) академиком Н. Я. Марром. Предметом его исследования в этой области была доисторическая эпоха языкового бытования, реконструируемая ученым. Другой исследователь межязыковых соответствий, межязыковых контактов — академик Л. В. Щерба сосредоточил свое внимание на современном состоянии языков, объясняя их особен-

ности пройденным историческим путем. Мы уже упоминали труды Л. В. Щербы в связи с языковой нормой. Отметим и тончайшие наблюдения Л. В. Щербы над соотносительностью разных национальных языков. В этом смысле остается классическим его анализ конкретных текстов, выявивший эквивалентные и безэквивалентные языковые элементы [32, стр. 97—104].

В преподавании иностранных языков представляется перспективным выделение фонового, коннотативного аспекта в значении слов, безэквивалентной лексики. Такой методический прием позволяет преподнести чужой язык во всем его национальном своеобразии, раскрыть в языке историю и жизнь народа (лингвострановедческий аспект преподавания языка [33]).

Важно подчеркнуть, что каждый язык развивается вместе с определенным языковым коллективом. Семантика отражения позволяет проследить в языке и черты, общие для всего человечества, и национальное своеобразие. Семантика отражения свойственна не только лексике, но и всем языковым уровням — синтаксису, стилистике, не столь прямо, как в лексике, а опосредованно. В морфологии мы обнаружим еще большее удаление от прямых параллелей, и, наконец, самое опосредованное отражение социальных условий — в фонетике. Но на каждом уровне есть свое семантическое отражение, определенное спецификой языкового уровня и системы [34—36].

Своеобразие идеологической функции каждого национального языка через семантику отражения сказывается в различных оттенках значения даже в интернациональных словах, бытующих в разных языках. Чужие, заимствованные, слова, приспособляются к новым социальным условиям, к новой языковой системе. Л. П. Якубинский выдвинул положение об активной роли заимствующего языка. С жизнью заимствованных слов в новых социальных и языковых условиях

связана проблема «ложных друзей переводчика». В свете наблюдений Л. П. Якубинского она получает социологическое решение. Значение слова может существенно видоизмениться в зависимости от новых социальных условий функционирования, новых коммуникативных требований в новом языковом коллективе [37—40].

9

В русской науке о языке отмечается творческий характер языка. «Соответствие мира слов миру мысли есть основной закон развития языка». Н. В. Крушевский особо подчеркивает подвижность языка и обусловленность его развития развитием общества: «Развиваясь, язык вечно стремится к полному общему и частному соответствию мира слов миру понятий». Написано это было в 1883 году [41, стр. 69; 42].

Такая социологическая трактовка языка позволила выработать правильное понимание активного воздействия на язык. Социальная норма в языке связывается с языковой практикой вообще, с языковым строительством, определяет языковую политику. Здесь нужно отметить прежде всего работы академиков Н. Я. Марра и И. И. Мещанинова, позднее — исследования И. К. Белододе, Ф. П. Филина, Ю. Д. Дешерьева, разыскания филологов всех наших республик. Многие национальные языки, не имевшие письменности до Октябрьской революции, получили возможность успешно развиваться в советскую эпоху. И роль социологических исследований была здесь очень велика. Этот социально-политический аспект проблемы — развитие и нормирование общенационального языка — сыграл важную роль в языковом строительстве социалистического общества. Такой новаторский подход к языку обособился, в частности, уже Л. П. Якубинский в упоминавшихся «Очерках по языку» (1932). Ныне эта проблема выдвигается как новая и наиболее

важная в социологическом языкознании американскими учеными под названием *п л а н и р о в а н и е я з ы к а* (language planning).

Социологические языковые традиции в теории и на практике позволили советским ученым успешно решать языковые проблемы младописьменных и бесписьменных народов, проблемы развития национальных языков в связи с развитием социалистических наций [43—45]. Заметим, что опыт работы советских ученых может служить опорой и примером в языковом строительстве развивающихся стран Азии, Африки и др.

10

Русские и советские лингвисты не ограничивали свои научные интересы только русским языком и языками народов СССР. Назовем лишь самые известные имена ученых, работы которых вошли в число фундаментальных социологических разысканий. Идеи П. Лафарга [46] развили дальше К. Н. Державин и Р. А. Будагов. Социологические исследования в области отдельных языков проводили В. М. Жирмунский, М. М. Гухман (немецкий язык), В. Н. Ярцева (английский язык), Г. В. Степанов (испанский язык), А. А. Касаткин (итальянский язык), П. А. Баранников, Н. И. Конрад, А. А. Холодович (восточные языки), Д. А. Ольдерогге (африканские языки). И хотя исследуется материал одного языка или группы родственных языков, выводы, к которым приводят научные разыскания названных ученых, имеют общетеоретическое значение в социологической науке о языке. В этом социологическом плане назовем еще такие имена, как Р. О. Шор, Е. Д. Поливанова, Н. Ф. Яковлева [47—53]. Их работы не потеряли значения и в наши дни. Временем расцвета русской социологической науки были 20-30-е годы. В настоящее время возрождение социологического подхода к языку обусловлено требованиями жизни, особенно в методическом плане: раз-

вitiем языковых контактов в самом многонациональном государстве — Советском Союзе — и включением русского языка в число мировых языков.

В истолковании общественной природы языка борются две доктрины:

1) социальный аспект языка — лишь языковой «фон», на котором

происходят собственно языковые движения. Элементы «фона», отражающиеся в языке — это экстралингвистические, паралингвистические явления;

2) социальный аспект определяет все функции языка; семантика отражения — семантику всех языковых категорий.

Литература

1. Швецейр А. Д. Вопросы социологии языка в современной американской лингвистике. Л., 1971.—2. Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений, т. 7. М.—Л., 1952.—3. Щербал Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.—4. Жирмунский В. М. Марксизм и социальная лингвистика. В кн.: Вопросы социальной лингвистики. Л., 1969.—5. Шахматов А. А. Описание Лекинского говора Егорьевского уезда Рязанской губернии. 1914.—6. Каринский П. М. Очерки языка русских крестьян. Говор деревни Ванилово. М., 1936.—7. Баранникова Л. И. Русские народные говоры в советский период. Саратов, 1967.—8. Жирмунский В. М. Национальный язык и социальные диалекты. Л., 1936.—9. Жирмунский В. М. Проблемы социальной диалектологии. «Известия АН СССР», серия литературы и языка. 1964, т. XXIII, вып. 2.—10. Ларин Б. А. О лингвистическом изучении города. «Русская речь», 1928, вып. III.—11. Парижский словарь Московитов 1586 год (Dictionnaire Moscovite). Перевод, исследования и комментарии Б. А. Ларина. Рига, 1948.—12. Ларин Б. А. Три иностранных источника по истории русского языка XVI—XVII вв. Аннотация докт. дисс. Доклады и сообщения Института русского языка АН СССР. М.—Л., 1948, вып. I.—13. Лексика современного русского литературного языка. Русский язык и советское общество. Социолого-лингвистическое исследование. Под редакцией М. В. Панова. М., 1968.—14. Русская разговорная речь. М., 1973.—15. Иванов А. М., Якубинский Л. П. Очерки по языку. М.—Л., 1932.—16. Bolinger D. Truth is a linguistic question. «Language», 1973, 3.—17. Моль А. Социодинамика культуры. М., 1973.—18. Актуальные проблемы культуры речи. М., 1970.—19. Щербал Л. В. Спорные вопросы русской грамматики. «Русский язык в школе», 1939, № 1.—20. В и-

нокур Г. О. Из бесед о культуре речи. «Русская речь», 1967, № 3.—21. Виноградов В. В. Проблема литературных языков и закономерность их образования и развития. М., 1967.—22. Будагов Р. А. Общее языкознание в СССР за 50 лет. В кн.: Язык, история и современность. М., 1971.—23. Срезневский И. И. Мысли об истории русского языка. М., 1959.—24. Будагов Р. А. История слов в истории общества. М., 1971.—25. Поттебня А. А. Мысль и язык. Харьков, 1926.—26. Поттебня А. А. Из записок по русской грамматике. Изд. 2-е. Харьков, 1888.—27. Абаев В. И. Понятие идеосемантики. В кн.: Язык и мышление. М.—Л., 1948, вып. XI.—28. Филин Ф. П. Проблема социальной обусловленности языка. В кн.: Язык и общество. Тезисы докладов. М., 1968.—29. Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972.—30. Филин Ф. П. О свойствах и границах литературного языка. «Вопросы языкознания», 1975, № 6.—31. Алексеев М. П. Восприятие иностранных литератур и проблема иноязычия. В кн.: Труды юбилейной научной сессии, 1919—1944, секция филологических наук. Л., 1946.—32. Щербал Л. В. Опыт лингвистического толкования стихотворений. «Сосна» Лермонтова в сравнении с ее немецким прототипом. В кн.: Избранные работы по русскому языку. М., 1957. 33. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М., 1973.—34. Будагов Р. А. Что такое общественная природа языка? «Вопросы языкознания», 1975, № 3.—35. Будагов Р. А. Определяет ли экономика развитие и функционирование языка? «Вопросы языкознания», 1972, № 1.—36. Будагов Р. А. Проблемы развития языка. М.—Л., 1965.—37. Якубинский Л. П.

В традиции русской и советской науки о языке, как мы стремились показать, существуют все предпосылки к следованию второй доктрины.

Язык существует в обществе и для общества. Содержание, форма, функции и развитие языка обусловлены жизнью языкового коллектива.

Несколько замечаний о словарном заимствовании. В кн.: Язык и литература. Л., 1926. т. 1, вып. 1—2.—38. Акуленко В. В. Существует ли интернациональная лексика? «Вопросы языкознания», 1961, № 3.—39. Будагов Р. А. Сравнительно-семаснологоические исследования. М., 1963.—40. Англо-русский и русско-английский словарь ложных друзей переводчика. Под редакцией В. В. Акуленко. М., 1969.—41. Крушевский Н. В. Очерк науки о языке. Казань, 1883.—42. Будагов Р. А. Язык в эпоху научно-технической революции. «Филологические науки», 1975, № 2.—43. Вопросы развития литературных языков народов СССР. Материалы Всесоюзной конференции. Алма-Ата, 1962.—44. Дешериев Ю. Д. Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе. М., 1966.—45. Аврорин В. А. О предмете социальной лингвистики. «Вопросы языкознания», 1975, № 4.—46. Лафарг П. Язык и революция. М., 1930. (La langue française avant et après la révolution. 1888).—47. Державин К. Н. Борьба классов и партий в языке Великой Французской революции. «Язык и литература», Л., 1927. т. II, вып. 1.—48. Будагов Р. А. Развитие французской политической терминологии в XVIII веке. Л., 1940.—49. Жирмунский В. М. Немецкая диалектология. Л.—М., 1956.—50. Гухман М. М. От языка немецкой народности к немецкому национальному языку. Т. 1—2, М., 1955—1959.—51. Ярцева В. Н. Развитие национального литературного английского языка. М., 1969.—52. Конрад Н. И. О литературном языке в Китае и Японии. В кн.: Вопросы формирования и развития национальных языков. М., 1960.—53. Олдерогге Д. А. О некоторых этнолингвистических проблемах Африки. В кн.: Вопросы социальной лингвистики. Л., 1969.